

суррогаты (довольно опасные) и теряется в созданных им же мифологемах. На место Абсолюта ставится либо наука, техника, либо человеческий разум, вера в человека, либо обожествление нации или личностей.

Заблуждения, связанные с абсолютизацией человеческого разума, встречаются наиболее часто, считает В.В. Зеньковский. Поэтому он, подробно анализируя эпоху начала XX века в России, рассматривает ограниченность человеческого разума, которая определяется его структурой, зависимостью от полученного фактического материала (информации) и духовными факторами, влияющими на рациональные процессы. Упорное отрицание христианских ценностей, сознательное искажение места и роли религии в жизни человека и народа – все это характерные явления российской истории XX века. Попытки констатировать безрелигиозную мораль, братское, любовное отношение человека к человеку, разбились о «свободу» страсти, ненависти, зависти, которые не могут быть объяснены вне религиозной метафизики. Истина о каждом человеке, считает философ, заключается не в его характере, не в его разуме, не в его чувствах. Она определяется его духовной жизнью, которая, соединяясь с моральными установками, дает и соответствующее поведение. Именно в морали сочтается божественный закон и наша свобода выбирать добро или зло, стремиться уяснить Абсолютное и действовать согласно ему или отрицать его.

Как видно, оценка эпохи как кризисной у В.В. Зеньковского отличается большей определенностью. Глубокая неустроенность современного человека, его беспомощность перед грозными явлениями распада человеческой личности и культуры определяются отказом от христианских ценностей. Если глубинная сущность кризиса эпохи определяется в области духовной, то и преодолеться она может лишь на путях духовного делания, считает философ. Духовно-личное возрастание не спасает и не обновляет всю эпоху, однако вселяет надежду на положительные выводы из уроков российской истории. А для нас, современных студентов, эта задача постижения духовных ценностей нашей культуры, уважение к ним, через раскрытие русской философской мысли.

Л.Г. КОПАЛОВА, А. СУСЛОВ

ДУХОВНЫЕ ОСНОВЫ КРИЗИСА ОБЩЕСТВА

Духовно-ценностные основы бытия народа и человека в настоящее время часто ставятся под сомнение. Ценности материальные, определяющие комфортность жизни, достаток и стремление стать «супер», стали ведущими для молодых людей, ценности духовные, традиционно христианские, сплотившие в свое время народ и культуру, стали считаться вторичными, не главными. Знакомство с историей России XX века, представленной

трагическими и болезненными процессами – кризисами, революциями, войнами позволяет разглядеть их подлинные причины и значение. В русской философии и публицистике рассматривался весь комплекс социальных, экономических, духовных и психологических проблем, сыгравших роль в сломе государственно-общественной жизни

Особое внимание уделялось осмыслению революций. После первой русской революции 1905-1907 годов, подготовленный и опубликованный сборник под названием «Вехи» [1909 г.] декларировал религиозное осмысление социальной катастрофы под названием революция. Все авторы сборника «Вехи», и сборника «Из глубины», осмысляющего октябрьский переворот 1918 года, исходят из убеждения, что «положительные начала общественной жизни укоренены в глубинах религиозного сознания и что разрыв этой коренной связи есть несчастье и преступление». [4, с.19].

Религиозные причины революций являются, по мнению авторов данных сборников наиболее глубинными, сущностными, вскрывающими последние причины трагической истории России Авторы данных сборников полагают, что все революции начинаются как идейные и духовные. Они были подготовлены в просвещении, философии, публицистике предшествующей эпохи, их осуществление было следствием внедрения и распространения этих идей. Все мыслители сходятся в признании ответственности интеллигенции за революционное крушение национальной и государственной жизни. Отмечая разные стороны интеллигентского сознания, философы вскрывают его духовную связь с западной культурой. «Русская интеллигенция, как особая культурная категория, есть порождение взаимодействия западного социализма с особенными условиями нашего культурного, экономического и политического развития» – писал П.Б. Струве [3, с.151]. Н.А. Бердяев прямо указывает на увлеченность русской интеллигенции новинками европейской философии, но усвоенными поверхностно, и игнорирование отечественной религиозной философии. Интеллигенция готова принять на веру любую философию, при условии, что она санкционирует ее социальные идеалы – свержение самодержавия, либерально-демократическое переустройство общества, социалистическое равенство. Подобная установка в сознании интеллигенции, характеризуется как утрата интереса к истине, к философскому поиску, ибо «философия есть школа любви к истине» [3, с.30].

То, что на Западе было теорией, подлежащей критике, или относительной истиной, у русских интеллигентов становится догматикой, т.е. предметом веры, подобием религиозной веры. Революционный социализм сам становится религией, противоположной христианской вере. Страстный, негодующий протест против зла в мире, сочувствие и сострадание народу, любовь к «дальному» и пренебрежение ближним сочетаются в сознании и психологии русской интеллигенции. Это возможности и необходимости создания нового порядка взамен прежнего, несовершенного, с атеизмом как отвержением Бога становится неотъемлемым свойством сознания русской интеллигенции. Воплотившись в воинствующее безбожие, порождая худшую

бесчеловечность, сатанинскую ненависть, стоившую жизни миллионам людей.

Одновременно идейная нетерпимость и догматизм, разрыв с национально-культурными традициями, порождали социальную мечтательность и утопическое сознание. Социальная мечтательность проявилась в оторванности от народа и незнании его. Утопическое сознание – писал П.И. Новгородцев, стремится устранить противоречия в общественном бытии, победить зло и страдание через создание совершенного общественного порядка. Сделать это можно лишь силой человеческого разума и воли – считали носители революционного сознания. Но – как убедительно показывает данный философ – противоречия есть основа развития любой системы; примирение данных противоречий не означает, что противоречия и их борьба перестанут быть основой существования как личного, так и общественного. Борьба со злом, безусловно, необходима, но всецелое искоренение зла есть самообольщение человечества. Поставить себя на место Творца, решить противоречия истории, устранить диссонансы мира, умирить страсти человека – задача, суть которой устроиться в мире без Бога и веры в него. Не случайно в учении марксизма – идеологии русской революции – атеизм является сущностной стороной учения, до поры прикрываемой социально-экономическим переустройством.

Но в марксизме есть то, что делает его похожим на христианство: Христианский смысл жизни как служения другим, соединение с людьми в любви и братстве, нравственное совершенствование, заимствуется марксизмом, но лишённые цели христианской проповеди – соединение с конечной целью всякого бытия – Иисусом Христом, превращаются в декларации, обеспеченные только собственным выбором. Христианские заповеди становятся «моральным кодексом строителя коммунизма». Но в христианском понимании смысла жизни процесс совершенствования человека имеет цель – соединение со Христом, или иначе «снискание духа святого». В марксизме всестороннее развитие всех и каждого есть декларируемая цель, но ради чего человек должен отказаться от своего волея, считаться с другими, ограничивать себя – побеждать весь хаос в душе как не ради цели, которая, безусловно, возвышеннее его самого? Этой целью становится построение коммунистического общества как совершенной благой социальной системы. Закономерным порождением идеологии марксизма является система принуждений и наказаний – лагеря, трудовые армии, ссылки и т.д. Плановое регулирование экономики и получение материальных благ не ведет механически к самосовершенствованию - скорее наоборот. Если христианство будет окончательно уничтожено в душах людей, то победит тип шкурника – убеждал Н.А. Бердяев в работе «Истоки и смысл русской революции». Материальные ценности и блага не могут сами по себе породить духовное единение людей. Но сходство коммунистического идеала с вечными ценностями христианства располагали к нему и подкупали идей справедливости. Поэтому многие русские мыслители также были

первоначально очарованы революционной патетикой и выходили на демонстрации с красными бантами [2]. На деле же оказалось, что революция – это ниспровержение государственного строя – когда бы она ни случилась – 1905, в 1917, или в девяностые годы XX века.

С.А. Аскольдов указывает на особую психологию народных масс, чувствующих себя вершителями судеб. Этот соблазн своеволия [1] с поразительной быстротой распространяется в миллионах душ, нарушая высший религиозный принцип жизни – органическое единство индивидуальной и общественной жизни. Конечно, дезорганизующие процессы так же необходимы в человеческой истории, уже отравленной стихией зла, как хирургические операции пораженному болезнью организму. Эти болезни таковы – во-первых, ослабление религиозного сознания. Во-вторых, расцвет политического и материального стяжания, охватившего массы, что привело к пробуждению «злого зверя, жившего в народной душе» [4, с.26-27]. Эта неизбежность не экономического характера, но духовного. Следовательно, суть революции – как сугубо деструктивного процесса, заключается в духовно-нравственном кризисе народа, и, прежде всего, интеллигенции. Революционизм, анархизм и деспотизм оказываются неразрывно связанными в стихии революции. Свержение государственного строя, отвержение всякой и всяческой власти, в том числе духовных ценностей, и насаждение единой идеологии – марксизма – оказываются неразрывно связанными и последовательно дополняющими друг друга.

Но революция как опасная болезнь государства не только служит средством обнаружения зла. Она отделяет добро от зла и выявляет его в наиболее яркой форме. Тем самым реализуется смысл истории, состоящий в столкновении добра и зла. И уже во второй половине XX века, подводя итоги русских революций, выдающийся русский писатель А.И. Солженицын написал: «Революция всегда есть пылающая болезнь и катастрофа» [5, с.280]. По его мнению, революция приоткрывает нам такие глубины бытия, которые трудно назвать физическими. В целом, соглашаясь с прогнозами и предостережениями великих русских мыслителей, которые остались неслышанными, можно понять и прочувствовать значительность исторических уроков нашей страны.

Литература

1. Аскольдов. С.А. Религиозный смысл русской революции // Вехи. Из глубины. М., 1991.
2. Булгаков. С.Н. Тихие думы. М., 1995.
3. Вехи. Из глубины. М., 1991.
4. Из глубины // Сб. ст. о рус. революции. М., 1990.
5. Солженицын. А. Черты двух революций // Русское зарубежье в год 1000-летия крещения Руси. М., 1991.